
ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

НОВАЯ ФОРМА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА РОССИИ

Гранин Ю. Д.*

В статье анализируется трансформация прежнего международного порядка в направлении формирования новых центров мировой динамики, постепенно смещающихся в Азию. По мнению автора, эта трансформация знаменует собой зарождение новой исторической формы глобализации человечества, возникающей на основе конкуренции новых цивилизационных моделей развития. Наблюдаемое изменение геополитической и геоэкономической конфигурации мира стимулирует Россию к повороту от недружеского Запада на Восток. Но что ждет ее «там, за поворотом»? И не окажется ли она в инициированных ею же больших геополитических проектах «Большой Евразии» и сотрудничества с Индией и Китаем на положении «младшего партнера»? Чтобы избежать провала на азиатском направлении, России необходимо разработать собственную модель модернизации страны на основе альтернативной западному модернизму системы ценностей, развития науки и образования.

Ключевые слова: геополитика, глобализация, мировой порядок, модернизация, цивилизация, ценности.

The article analyzes the transformation of the former international order in the direction of the formation of new centers of world dynamics, gradually shifting to Asia. According to the author, this transformation marks the birth of a new historical form of globalization of humanity, which arises on the basis of the competition of new civilizational models of development. The observed change in the geopolitical and geo-economic configuration of the world encourages Russia to turn from the unfriendly West to the East. But what awaits it 'there, at the turn?' And will it not turn up in the large geopolitical projects of 'Greater Eurasia' initiated by it and cooperation with India and China in the position of a 'junior partner'? To avoid failure on the Asian front, Russia needs to develop its own model of systemic modernization of the country on the basis of an alternative to Western modernism system of values, the development of science and education.

Keywords: geopolitics, globalization, world order, modernization, civilization, values.

Подводя итоги первого двадцатилетия XXI в., ознаменованного глобальной пандемией, большинство отечественных и зарубежных аналитиков оценили его

* Гранин Юрий Дмитриевич – д. ф. н., профессор, в. н. с. Института философии РАН. E-mail: mailly-granin@mail.ru.

как беспрецедентное по масштабам и скорости изменение характера мирового развития и даже как деглобализацию человечества. Если первое утверждение имеет солидное эмпирическое доказательство, то второе можно охарактеризовать как теоретический казус, в основании которого лежит не рефлексированное многими аналитиками и методологически спорное представление о возможности «оборачивания» тенденций и «законов» истории. Физическое, историческое время необратимо, а значит, и тенденции исторической динамики не могут быть «повернуты вспять». Следовательно, и глобализация как многовековая тенденция к объединению цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе разделенного человечества в глобальную общность может изменять (и изменяет) лишь темпы и конкретно-исторические формы своего осуществления [Гранин 2013]. Она может быть прервана только в результате планетарной катастрофы, за которой последуют массовое вымирание и социальная деградация человеческого рода. Есть и дополнительные аргументы против использования концепта деглобализации [Чумаков 2020]. Учитывая их, продуктивно вести речь лишь о смене исторических форм глобализации, меняющих «центры» и «порядки» развития человечества, но не отменяющих его поступательного движения ко все большей взаимозависимости и связанности больших и малых сообществ людей – народов и цивилизаций [Гранин 2014].

На протяжении многих столетий глобализация транспортных, торговых и людских потоков, формирование региональных, макрорегиональных и глобальных финансовых и экономических сетей и корпораций, международных политических организаций, союзов и альянсов осуществлялась главным образом посредством политики глобализма исторически сменяемых друг друга в качестве лидеров великих держав, образовывавших пояс стран-сателлитов и всегда претендовавших на мировое господство. Ни одной из них не удалось достичь желаемого. Но интеграция человечества усиливалась. И уже к концу XIX в. можно говорить о появлении качественно нового состояния истории человечества: она действительно стала «всемирной», но не однородной. Как и ранее, образовывались периодически сменяемые «векторы», «центры» и «полюсы» экономического и политического развития.

После Второй мировой войны человечество вступило в эпоху двуполярного состояния – период конкуренции двух миросистем: «евроатлантической системы капитализма» и «мировой системы социализма», завершившийся переходом к однополярной глобализации под эгидой США. Этот период все еще продолжается. Но одновременно наблюдается конкуренция цивилизационных моделей развития: трансформация прежнего международного порядка в направлении формирования новых центров мировой динамики, постепенно смещающихся в Азию. Это наблюдаемое изменение геополитической и геоэкономической конфигурации мира стимулирует Россию к повороту на Восток. Но что ждет ее «там, за поворотом»? И не окажется ли она в инициированных ею же больших геополитических проектах на положении «младшего партнера»? Да и стоит ли ей вместе с Китаем торпедировать сложившуюся ранее тенденцию к однополярной глобализации мира, в пространстве которой они получили немалые экономические выгоды? Ведь многие известные специалисты именно ее считают наилучшей из возможных форм грядущего развития человечества.

Наиболее аргументированно последнюю позицию отстаивает В. Л. Иноземцев. Солидаризуясь с теми исследователями, которые считают, что в современном мире есть одна доминирующая держава, своего рода *indispensable nation* (незаменимая нация) – Соединенные Штаты, которые стремятся к сохранению своего геополитического статуса, и две крупных «ревизионистских» страны – Китай и Россия, он пишет, что «при этом руководству и Китая, и России нужно понимать, что как экономический рост КНР, так и *хозяйственное возрождение РФ* вызваны исключительно повышательным трендом мировой экономики, который был задан однополярной глобализацией, подталкиваемой Америкой: именно американский спрос и американские инвестиции в 1990-е гг. запустили “китайское экономическое чудо”; именно формирование нового центра индустриального производства в Китае подтолкнуло спрос на ресурсы, а с ним и цены, обеспечившие в следующем десятилетии бум в российской экономике» [Иноземцев 2019].

Конечно, можно даже усилить этот тезис, заявив, вслед за премьер-министром Сингапура, что «Азия процветала, потому что период Pax Americana, длящийся с конца Второй мировой войны, обеспечивал благоприятный стратегический контекст» [Ли Сянь Лун 2020]. Но констатация этого обстоятельства не отменяет периодически изменяемой вариативности осуществления человеческой истории. Она никогда не была «улицей с односторонним движением», а полюса и центры мирового развития в течение ушедшего тысячелетия менялись неоднократно, постепенно смещаясь из Азии в Европу. После Второй мировой войны они переместились в США. Но кто гарантирует, что к середине XXI в. они вновь не окажутся в Азии? Учитывая темпы развития Китая и Индии в последние годы, таких гарантий дать нельзя.

Человечество вступило в период трансформации прежнего международного порядка, основанного на доминирующем влиянии евроатлантической цивилизации, со второй половины XX в. задающей правила «большой игры»: игры по правилам США и контролируемой ими «Большой Европы». Но в последние годы эти правила стали меняться. Силовой потенциал национальных государств теперь ставится во главу угла их внешней политики, а работа через международные институты отступает на второй план. По мнению некоторых влиятельных аналитиков, сейчас «в мире установился “закон джунглей”, о котором под возмущенные крики предупреждали русские». И в этой «борьбе без правил мы, русские, с нашей историей, лихостью, идеологической незашоренностью, готовностью к риску имеем конкурентное преимущество. Надо лишь расстаться с глупостью следования в русле других правил и институтов, которые партнеры беспардонно отбрасывают. Если миру предлагается “закон джунглей”, нужно играть по “законам тайги”» [Караганов 2019].

Разумеется, это эмоциональная метафора. Но верно то, что западоцентризм в политике и мышлении устарел, он – «признак умственной лени и отсталости». А значит, в обозримом будущем гораздо перспективнее движение нашей страны в направлении «Большой Евразии» – нового концептуального пространства «геополитического, геоэкономического и геоидеологического мышления, задающего вектор взаимодействия государств континента. Оно должно быть нацелено на совместное экономическое, политическое, культурное возрождение и развитие десятков в прошлом частью отсталых или подавлявшихся евроазиатских стран,

превращение Евразии в центр мировой экономики и политики» [К Великому... 2019: 275].

По мнению авторов проекта, помимо России и Китая, он будет включать в себя страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, где все будут договариваться и налаживать сотрудничество [Там же: 276–277]. Это возможно, хотя и проблематично из-за вероятного соперничества Китая – России, с одной стороны, и Индии – Китая – с другой, о чем я еще скажу. Вместе с тем эта идея привлекательна в силу ее социокультурного характера: оппонируя прежнему проекту «Большой Европы» (От Атлантики до Владивостока), фактически «*Большая Евразия*» представляет собой макрорегиональный проект совместного цивилизационного развития, куда, по мнению его разработчиков, войдут и некоторые страны Европы. «Если рассуждать о будущей картине мира, – прогнозирует известный российский политолог С. Караганов, – то Европа в этой картине разобьется на части: одна будет в системе “Америка+” с США, а другая – в Евразии. Уже сейчас примерно ясно, где будет проходить граница. Вопрос только в том, куда решит пойти Германия. Думаю, что скорее всего в Евразию» [Сергей Караганов... 2019].

Хорошо, если так. Но действительность всегда оказывается богаче любой теории и любого проекта. С момента публикаций цитируемых прогнозов прошло больше года, но стремления западных стран встраиваться в проект «Большой Евразии» пока не наблюдается. Они предпочитают игру с нулевой суммой и пока игнорируют предложенный В. В. Путиным инвариант этого проекта: формирование Большого евразийского партнерства, которое должно объединить общекультурные усилия с участием стран ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и быть открытым для стран ЕС. Косвенно это подтвердил выступивший 10 декабря 2020 г. на XXVIII Ассамблее СВОП глава МИД РФ Сергей Лавров. Да и стремления у азиатских стран формировать совместно с Россией новую континентальную мегаструктуру тоже не наблюдается. Политика прагматична. А потому наших партнеров больше интересует возможность использования России в качестве транзитного коридора, поставщика сырьевых ресурсов, современного оружия, космических услуг (объем которых неуклонно сокращается), ну и, конечно, в качестве «толкача» для включения в состав непостоянных членов Совета Безопасности ООН. Россия в этом вопросе готова пойти им навстречу, а также Бразилии и Южно-Африканской Республике, которые просили об этом на последнем саммите стран БРИКС. Но ее внешнеполитические возможности ограничены, а экономическое положение, особенно после введения санкций, оставляет желать лучшего. Единственное, что действительно сближает Россию с ее главными партнерами в Евразии (Индией и Китаем), – это их *объективное ценностно-смысловое противостояние Западу* в качестве особых «стран-цивилизаций», вынужденных осуществлять политику догоняющего развития без утраты своей цивилизационной идентичности.

Особенно это противостояние усилилось после попыток США сдержать развитие новых мировых центров, объявления в 2020 г. Штатами холодной войны Китаю, что естественным образом сблизило его с Россией и повысило шансы на реализацию другого макрорегионального проекта: создания треугольника «Россия – Индия – Китай» как тактического дипломатического альянса трех полиэт-

нических и поликонфессиональных цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются евроатлантической версией глобализации. В качестве дипломатических коалиций альянсы не раз подтверждали свою эффективность. И хотя президент России В. В. Путин не исключил (при определенных условиях) даже военно-политического союза с Китаем, долговременное стратегическое сотрудничество трех великих держав маловероятно в силу преобладания «национального эгоизма». Несмотря на то, что Китай и Индия не имеют в гербе двуглавого орла, они, как и Россия, внимательно смотрят и на Восток, и на Запад, ища краткосрочные и долговременные выгоды для самих себя.

Последние довольно очевидны в условиях стабильного мирового порядка. Но в условиях наступившей хаотизации мира далеко заглядывать не приходится, поэтому ставка на тактическое партнерство предпочтительнее. Но и здесь необходима координация общих целей внешней политики союзников, которая всегда и везде является средством для внутреннего развития стран. А успехи их внутреннего развития гарантируют привлекательность их общего внешнеполитического курса для пока еще не присоединившихся государств. В пространстве такой диалектики «внутреннего» и «внешнего» перспективно действовать, согласовывая интересы участников возможного альянса, учитывая неравенство стартовых условий, объективную принадлежность всех трех государств к странам второго мира, вынужденным участвовать в зачастую совсем нечестной экономической, научно-технической, военной и иной глобальной конкуренции.

Чтобы в ней не проиграть, нужны согласованные национальные стратегии развития, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неолiberaлизма, взамен которых предлагается признание приоритета национальных интересов, реформирование экономики, опирающееся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но главным образом на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является мера сочетания этих – западных и собственных – форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными: от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства до незначительного, охватывающего главным образом экономическую сферу. Пример первого варианта развития дали Япония и «новые индустриальные страны» Юго-Восточной Азии. Итоги их развития в долгосрочной перспективе оказались не столь значительны в сравнении с Китаем, успех которого был особенно впечатляющим. Присмотримся к нему повнимательней.

Прежде всего обратим внимание на то, что сближает Китай и Россию: это отсутствие войн между двумя странами, сопоставимый военный потенциал, весьма значительный государственный сектор экономики, централизованный характер управления, наличие довольно жесткой властной вертикали, полиэтничность (при значительном преобладании «ядрового народа» цивилизации – русских и китайцев) и связанная с ней культурная гетерогенность. Вместе с присутствием так называемого «советского синдрома» (комплекса воспоминаний о совместно пережитом и в значительной мере идеализированном прошлом) эти черты экономики, населения и власти России и Китая объективно создают предпосылки для их сотрудничества. По всем остальным цивилизационным параметрам (религии,

господствующему мировоззрению, отношениям к семье и труду, жизни и смерти, характеру строения общества, власти и др.) они отличаются. И это обстоятельство оказало серьезное влияние на постановку и решение задачи модернизации России, Индии и Китая в конце XX – начале XXI в.

Так, китайское руководство, как и китайские ученые, интерпретируя современную (либеральную) глобализацию в качестве исторически неизбежной, но изменяемой исторической формы многовековой тенденции к интеграции человечества на основе разных цивилизационных моделей развития, оценили место своей страны в этом процессе весьма прагматично: с позиций извлечения максимальных выгод для Китая, ограничив одновременно возможные отрицательные последствия, связанные с участием в данном процессе. Для этого с 2001 по 2010 г. Центром исследования модернизации и Группой исследования стратегий модернизации Китая были подготовлены 10 ежегодных докладов о модернизации. Каждый из них содержал анализ одного из ключевых аспектов модернизации и одновременно – характеристику общего ее состояния в мире и Китае на соответствующий год [Обзорный... 2011].

Впечатляет не только огромный объем системной работы, но и объективность исследования: разделив модернизацию на первичную и вторичную, разработав индексы развития и проанализировав в соответствии с ними 131 страну, авторы включили Китай лишь в число «предварительно развитых» стран, которые достигнут уровня «среднеразвитых» государств (таких, например, как Россия) лишь к 2040 г. Но с учетом темпов роста, китайского прагматизма, планируемой экономической, социальной и научно-технической политики Китая эти цифры должны быть скорректированы в сторону значительного уменьшения.

В 2010 г. Национальный научный фонд США опубликовал подробную статистическую сводку по глобальной динамике научно-технического развития за 1995–2009 гг.: быстрее всего наука развивается в Китае, который уже сравнялся с США по количеству научных работников. С тех пор ситуация не изменилась. В Западной Европе и США продолжается умеренный рост, а в России основные показатели научно-технического развития не растут, а снижаются. Как пишут исследователи, китайские лидеры, признавая необходимость углубления интеграции с международной экономикой, стремились управлять этим процессом по собственным правилам, для того чтобы извлечь максимальную прибыль и до минимума сократить свою уязвимость. В результате такой национально ориентированной позиции в страну хлынул поток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) такой силы, что теперь Китай по уровню ПИИ занимает второе место после США.

Секрет успеха кроется в сохранении роли государства в экономике, которая особенно возрастает в современных условиях, характеризующихся нестабильностью финансового капитала и колебаниями мировых рынков. Показательно, что азиатский кризис 1997–1998 гг. не затронул Китай, хотя страна экономически связана со странами Юго-Восточной Азии: их финансовый сектор был либерализован, а китайский – нет. В результате оказалось, что лидеры модернизации – «азиатские тигры» – стали менее привлекательными партнерами для мировых транснациональных компаний (ТНК), а Китай, напротив, стал более интересен для них вследствие своей недостаточно глубокой интеграции в глобализацию финансов. Поскольку целью мировых ТНК при проникновении в Китай является не

«утверждение демократии», а быстрая прибыль, они были заинтересованы в стабильном правительстве, благодаря которому в стране взят курс на китаизацию продукции, что, в свою очередь, обеспечивает лучший сбыт и большую прибыль. В результате китайские филиалы ТНК становятся «патриотичными» в своей стратегии, чем вряд ли могут похвалиться другие страны полупериферии.

Кроме того, у Китая есть то преимущество, что приходящий в страну иностранный капитал на треть является вложениями китайцев, проживающих за рубежом. В России, как известно, ситуация прямо противоположная: на фоне отсутствия долгосрочных стратегий развития из года в год у нас наблюдается вывоз капитала за границу. В 1990-е гг. у нас слепо копировали рекомендации МВФ, впав в либеральный догматизм, а успех китайских реформ связан с их постепенностью и сохранением контроля над экономикой. Последний пример: антимонопольное расследование в отношении *Alibaba Group* – крупнейшей частной компании, ставшей символом успеха и процветания Китая и еще осенью 2020 г. готовившей одно из своих подразделений к крупному IPO. Но этот факт, насколько можно судить, не повлиял на намерения крупнейших зарубежных ТНК продолжить работу в Китае.

Помимо привлечения мировых ТНК инструментами транснационального хозяйствования в КНР выступают государственные ТНК, значительный экспорт капитала в Африку, Азию и Европу, что в комплексе способствовало резкому усилению активности Китая на международной арене.

Еще одно преимущество китайской стратегии модернизации, которого нет у России, заключается в том, что при успешном развитии рыночной экономики рыночные ценности не могут доминировать здесь над остальными сферами жизни, прежде всего социальной и культурной. В результате создается успешный и перспективный баланс, стимулирующий стабильное развитие. Как пишет Ань Вэй, «гражданское право гарантирует эффективность рынка, а государственное административное право гарантирует социальную справедливость» [Ань Вэй 2005]. Основанную, добавим, не на социальной уравниловке, а на идеях *управления социальными процессами*.

Основываясь на них, в Китае еще в 2014 г. разработали систему социального кредитования граждан, которая в качестве пилотного проекта уже 6 лет апробируется в Шанхае, провинциях Фуцзянь, Цзянсу, Гуандун и Шаньдун. Западные СМИ сразу же оценили концепцию социального кредита как практическую реализацию антиутопии Оруэлла: как систему тотальной слежки, не потрудившись различить государственные и коммерческие (*Sesame Credit* и *Tencent Credit*) формы социального кредита. Последние уже давно и эффективно используются коммерческими структурами, особенно банками, во многих странах: все кредитные организации и многие фирмы по предоставлению услуг ведут кредитные истории своих клиентов, используя в том числе сведения правоохранительных и других государственных органов. В Китае коммерческое социальное кредитование основывается на подсчете баллов, учитывая, среди прочего, и общедоступный черный список: перечень людей, совершивших правонарушения и наказанных китайским правосудием. Присутствие в этом реестре может сильно понизить рейтинг пользователя и лишить ряда привилегий, например, при аренде автомобилей и велосипедов или бронировании отелей.

С государственным социальным кредитованием, которое планировали ввести по всей стране с 2020 г. (но так и не ввели), все сложнее. При высоком, в отличие от России, уровне цифровизации экономики и других сфер жизни в многомиллионных городах и отчасти в деревне (где уже несколько лет оплата товаров производится безналичным способом) социальный кредит действительно может быть использован в качестве средства тотального контроля государством своих граждан. Возможно, такие планы есть и у китайского руководства. Но не только у него: любое государство по определению ориентировано на ограничение свободы и, в большей или меньшей степени, контролирует население. В любом случае сами технологии, в том числе и социальные, этически нейтральны: в конце концов, «ружья не убивают людей, людей убивают люди». Все зависит от того, в чьих руках находится скальпель, – врача или преступника. Во всяком случае, подавляющее большинство китайцев систему выставления баллов своим соотечественникам оценивают положительно: как систему социального доверия для гармонического развития и построения социализма с китайской спецификой.

Последний, как нетрудно заметить, дистанцируется от идеи равенства. Но политическая и социальная системы Китая, хотя там есть диссиденты и сепаратисты, устойчивы, поскольку опираются на конфуцианскую этику и естественное для китайцев (ханьцев) представление об иерархичности мира и общественного устройства. Поэтому вместе с осуществляемой ЦК КПК политикой патриотизма и национального достоинства идея социального проектирования и управления, подкрепляемая все более очевидными успехами страны в повышении уровня благосостояния народа, оказывается важным фактором успешного социально-экономического развития страны.

Несмотря на то что в 2013–2016 гг. темпы роста китайской экономики снизились, она продолжала оставаться в первой тройке быстрорастущих экономик Азии. Не случайно в конце 2015 г. юань примкнул к престижному клубу доллара США, евро, иены и фунта стерлингов, которые образуют искусственное резервное и платежное средство, созданное МВФ в 1969 г. Кроме того, правительство планирует активно стимулировать экспорт китайского капитала за рубеж в форме ПИИ – объем китайских ПИИ в следующие 10 лет может достичь 1,25 трлн долларов.

В 2015–2016 гг. были осуществлены государственные программы инвестиций в инфраструктуру, запущенные еще в 2014-м. Было одобрено строительство 16 железных дорог и 5 аэропортов с общим объемом финансирования более 110 млрд долларов. Кроме того, уже запущены более 50 проектов для привлечения частных инвестиций общим объемом около 160 млрд долларов. Так Китай пытается компенсировать «недобор» темпов, а также усилить позиции своей высокотехнологичной продукции расширением экспорта капитала, в том числе в рамках стратегии «Один пояс – один путь». Ее реализация, к которой уже приступили, предполагает создание транспортных коридоров от Тихого до Атлантического океана на основе китайских технологий в области строительства скоростных железных дорог, морских портов («Морской Шелковый путь XXI в.») и инфраструктурных инвестиций. Китай через разные источники – региональные банки развития, региональные фонды инфраструктурных инвестиций и др. предоставляет странам-получателям льготные кредиты на строительство ж/д магистралей при

условии использования китайских технологий и поставок продукции китайских промпредприятий в страну осуществления проекта. При этом используются меры поддержки экспорта – страхование, льготное кредитование и т. д. Все это является важной частью борьбы Китая за новый мировой экономический и финансовый порядок.

Индия также является страной, способной создать альтернативную модель модернизации на собственной цивилизационной основе. После завоевания независимости правительство Индийского национального конгресса (ИНК) провозгласило курс на ускоренный экономический рост с минимальной внешней помощью. Однако влияние принципов общества потребления привело в 1980-е гг. к отказу от регулирования импорта, от ограничений на деятельность ТНК и приток иностранного капитала. В результате в 1980–1990-е гг. уровень экономического развития Индии мало изменился.

В то же время глобальный экономический кризис 1997–1998 гг. не принес Индии и серьезных потрясений, имевших место в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. Это явилось следствием того, что в индийском обществе вхождение в глобальную экономику не рассматривалось как обязательный процесс вестернизации: считалось, что страна может выбирать собственную стратегию развития. Данная тенденция сохранилась и с приходом к власти националистически ориентированной «Бхаратия джаната парти» (БДП), которая, помимо формирования «индуистской нации» и новой национальной идентичности на религиозной основе, поставила перед собой амбициозные задачи реформирования страны и превращения ее в третью экономику мира. Несмотря на значительные расхождения с Индийским национальным конгрессом, ориентированным на западную (гражданскую) версию национализма, в Индии продолжает сохраняться согласие между основными политическими силами по ключевым вопросам развития и участия в глобализации.

Не случайно в первое десятилетие XXI в. экономика Индии демонстрировала темпы роста, сопоставимые с китайскими. Достигнув на короткое время в 2009 г. показателей Китая в 9,1 %, Индия с тех пор явно замедлила развитие. В 2010 г. темпы роста снизились до 8,8 %, в 2011 – до 7,1 %, в 2012 г. рост составил 6,9 %. Индия не только не сумела обогнать по этому показателю Китай, она последовательно отставала от него на 1–2 %. По данным исследования международного рейтингового агентства *Moody's*, прогнозировалось, что в 2015–2016 гг. темпы роста ее экономики составят около 7–7,5 % и это будет самый высокий рост экономики среди G20 [Moody's 2015]. Так и произошло. В 2019 г. экономический рост Индии составил 7,4 %. Планировалось, что к 2020 г. экономика Индии догнит Великобританию и станет пятой по величине экономикой в мире с номинальным ВВП в 2,9 трлн долларов. Экономический рост КНР в 2019 г. составил 6,3 %, а в 2020 г. ожидалось его снижение до 6,1 % [Симонов 2020]. Но пандемия внесла свои коррективы, замедлив все экономики мира. Однако и на этом фоне Китай остался единственной зоной экономического роста. В документах XIV пятилетки, которая стартует в 2021 г., упор делается на развитие внутреннего рынка (за счет увеличения размеров среднего класса с годовым доходом свыше 10 тыс. долларов США) и инфраструктуры, поддержку инновационной деятельности.

Таким образом, создание геополитического треугольника «Россия – Индия – Китай» как зоны партнерства трех цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются евроатлантической версией глобализации, вполне реально. Все три страны выступают за демократизацию международного порядка, укрепление роли ООН, против расширения НАТО и имеют общего противника в лице исламского фундаментализма и экстремизма. Однако в этой триаде, как, впрочем, и в БРИКС и ШОС, Россия, к сожалению, в обозримом будущем не будет лидировать. И вот почему.

Во-первых, обратим внимание, что санкции США против Китая были обусловлены не прихотью экстравагантного Трампа, а вполне здравым расчетом защиты интересов США на внутреннем и внешних рынках. Было замечено, что Китай начинает неоиндустриализацию с целью перехода от экономики экспортного типа (которая сильно зависит от стран Запада) к экономике нового типа, ориентированной на внутренний рынок и на производство товаров с высокой добавленной стоимостью, которые планируют продвигать частично на рынки стран Запада, а в большей части – на территории, которые много веков были «задним двором» Европы и США. Экспорт и влияние последних в Юго-Восточной Азии, да и в Европе, где в последние годы Китай интенсивно скупает активы стратегических предприятий, могут быть серьезно ослаблены. Но для России важно другое.

Учитывая почти пятикратное превышение над РФ экономики Китая, низкий объем торгового оборота между нашими странами (1,67 % от всей торговли КНР), высокий уровень высшего образования в Китае (в рейтинге 200 университетов стран с развивающейся экономикой Россия находится на 4-м месте, уступая не только Китаю, но и Индии – 39 и 16 университетов соответственно против российских 15), огромные (более 3 трлн долларов) золотовалютные резервы КНР, показатели индекса человеческого развития и рейтинга «мягкой силы» Тор-30 известного чарта *Portland Communication* (в котором Россия, опустившись с 2017 г. на 2 пункта, теперь расположилась на 28-м месте – сразу за КНР и перед Бразилией [Леонова 2020]), можно предположить, что постепенно БРИКС выстраивается вокруг Китая и вскоре станет китайским проектом. А Россия в нем будет занимать положение «младшего брата», если не проведет системную модернизацию страны.

В отличие от Китая, разработавшего стратегию модернизации еще 10 лет назад, в России государственной стратегии комплексной модернизации страны до сих пор нет. У нас только в 2010 г. была создана Комиссия по модернизации при Президенте РФ Д. А. Медведеве. Уже тогда многие заметили, что модернизация истолковывается правительством не системно, а точно – как реформация отдельных сфер жизни (экономики, науки, образования, здравоохранения и т. д.) – и прежде всего в технологическом ключе: как переформатирование за счет апробированных за рубежом технологий, которые были созданы совсем для других задач. Многим экспертам и специалистам, например, было ясно, что нам не нужны ни Болонский стандарт, ни начавшаяся чуть позже академическая реформа. Но не считаясь с их мнением, чиновники лихо занялись «оптимизацией» науки и образования, рассказывали общественности сказки о том, что, получив диплом какого-либо российского вуза, можно будет поехать в Евросоюз, потому что российский выпускник будет таким же бакалавром, как и выпускник Сорбонны. А в итоге?

В итоге никакой академической мобильности и свободы преподавания, которые требовала Болонская конвенция, у нас так и не ввели. Вузы ограничились переходом со специалитета на бакалавриат, увеличили нагрузку преподавателей и понизили качество образования. А академическая реформа в виде «слияния академий», сопряженная с введением новых наукометрических показателей (индекса Хирша, публикаций в журналах, включенных в базы данных *Scopus*, *WOS* и др.), которые не критиковал только ленивый, увенчалась лишь кратным повышением отчетности для контролирующих науку министерств и сокращением финансирования академических институтов.

То же самое случилось с высшей и средней школой. Если в Китае инвестиции в науку и образование в последние годы росли примерно на 20 % ежегодно, что позволило ему по числу ученых сравняться с США (примерно 1,5 млн человек), то у нас наблюдалась отрицательная динамика: в 1995 г. в России было около 600 тыс. научных работников, а сейчас осталось чуть более 400 тыс. В это же время в Китае число ученых прирастало примерно на 9 % в год, и по количеству патентов на изобретения он в 2018 г. в 4,9 раза опередил США. Помимо этого, Китай кратно превосходит РФ в области финансирования НИОКР: по некоторым расчетам, в 48 раз, по другим, наверное, более реалистичным, – в 10 раз. Об этом 23 декабря 2019 г. сообщил президент РАН Александр Сергеев. «Стратегия развития страны говорит о том, что к 2035 г. Китай по большинству научных направлений должен стать мировым лидером», – добавил академик [Кубарев 2019].

Разумеется, количественная оценка в нашем случае не является достаточной. Гораздо важнее понять базовые причины происходящего. Обсуждая их, оппозиционные политики обычно указывают на авторитаризм политического режима и «отсутствие демократии». Но демократия никогда не была значимым фактором технико-экономического прогресса и благосостояния обществ. Скорее, наоборот. Да и авторитарные формы властвования, как свидетельствует история, могут быть «авторитаризмами развития», а не только стагнации. Разумеется, никто не застрахован от ошибочных и поспешных решений. Но надо вовремя уметь от них отказаться. А эта способность тормозится разным «качеством» наших властвующих элит и обслуживающего их аппарата: одни из них обладают критической рефлексией и широтой кругозора, основанного на понимании сложной диалектики истории, другие мыслят стереотипно, находятся под обаянием теоретических клише, опирающихся на парадигму «линейного прогресса» (в направлении Запада), и не считаются с мнением экспертов-специалистов. Отсюда гетерогенность и методологический плюрализм политики России. Ее внутренняя политика все еще строится под влиянием давно устаревших западных теоретических стандартов социально-экономического и политического развития, тогда как ее внешняя и оборонная политика более сбалансирована, реалистична и разнообразна.

Как уже отмечалось, «Большая Евразия» представляет собой макрорегиональный проект формирования пространства совместного развития разных цивилизаций, куда, по мнению его разработчиков, войдут и некоторые страны Европы. Но его мало предложить. Надо создавать привлекательный образ совместного будущего, демонстрируя успехи собственной *цивилизационной модели и стратегии долгосрочного развития*. Но такой модели и такой стратегии пока у России нет, а проблем хоть отбавляй. Многие из них обусловлены цивилизационной спе-

цификой нашей страны, выросшей из «советской цивилизации». Судьба этой цивилизации, распространившей свое влияние далеко за пределы СССР, с ее пан-идеей глобального превосходства и метаидеологией построения коммунизма, известна. Современная Россия, безусловно, наследует ей. Но у нее нет не только объединяющей народы политической и религиозной метаидеологии, но и претензий, как у США, на глобальное доминирование. Скорее, она, как и в начале XX в., представляет собой псевдоморфозу – своего рода цивилизационного кентавра, причудливо (местами уродливо) сочетая элементы архаики, советского прошлого и западной «современности» [Гранин 2020].

На первый взгляд, такими же характеристиками обладает и современный Китай. Но ценностно-смысловое ядро этой цивилизации не эклектично, а целостно. Ее ценностно-смысловой каркас замыкается в контур, граница которого очерчена восходящим к идеям Дао (пути) конфуцианским философско-религиозным мировоззрением (с ключевой для него идеей соответствия «небесного» и «земного» как упорядоченной целостности) и соответствующим ему «рационализмом». Основанный не на субстанциальной, а на процессуальной логике, определяемой спецификой языка [Смирнов, Солондаев 2019], этот конфуцианский рационализм вырастает не из характерного для Европы базового противоречия между трансцендентным и мирским порядками, а из идеи их *гармонического соответствия*. Отсюда особая китайская *стратегия жизни как эволюции*, предполагающая поиск не лобового, а «обходного пути», поиск компромисса и иносказания как основного принципа политического действия и дипломатии [Жюльен 2001]. С этой стратегией корреспондирует представление о китайском народе как «большой семье» (что сближает Китай со странами Северной Европы) и «государстве» как «поднебесной империи», не случайно названной после 1949 г. «срединной цветущей страной всеобщей гармонии народа». Поэтому социалистический период Китая рассматривается элитами и большинством населения как продолжение «великого пути», а однопартийность – как историческая форма естественной иерархичности общественного устройства.

Совокупность этих представлений является основой идентичности китайской (ханьской) нации. Последняя уже давно выстроена на основе не столько гражданско-политического, сколько культурного единства. А мы, потакая республиканским этнонационалистам, не единожды торпедировавшим идею «российской нации», уповаем на гражданский национализм, не уделяя должного внимания формированию социокультурного единства народов России и проектированию ее будущего.

Необходима большая культурно-идеологическая работа по обновлению ценностно-смыслового каркаса России, его наполнению новыми смыслами. В настоящее время он ориентирован на прошлое – там в великих победах наша страна ищет (и находит!) оправдание своего нынешнего положения, своей «суверенной демократии» и другой «цивилизационной специфике». Но в карете прошлого далеко не уедешь. Нужен идеологически выраженный прорыв в Будущее – футуризм, способный мобилизовать население на реализацию социальной утопии: построение социального государства нового типа – государства всенародного благосостояния, солидарности, справедливости и реального гуманизма. Такого государства нет нигде. Но это не значит, что к нему не стоит стремиться.

Литература

- Ань Вэй. Глобализация и право // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 166–170.
- Гранин Ю. Д. Глобализация, нации и национализм. М. : Академия медиаиндустрии, 2013.
- Гранин Ю. Д. Глобализация: диалектика исторических форм осуществления // Век глобализации. 2014. №1(13). С. 90–103.
- Гранин Ю. Д. «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 34–44.
- Жюльен Ф. Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции. М. : Московский философский фонд, 2001.
- Иноземцев В. Л. Экономика и политика глобализации: уроки прошлого для настоящего и будущего // Век глобализации. 2019. № 2. С. 3–15.
- К Великому океану: хроника поворота на Восток. Сборник докладов Валдайского клуба. М. : Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019.
- Караганов С. Каким будет мир? [Электронный ресурс] : Российская газета. 2019. 14 февраля. Федеральный выпуск № 34(7792). URL: <https://rg.ru/2019/02/14/karaganov-mir-nesmotria-na-ego-haotichnost-vpolne-predskazuem.html>.
- Кубарев А. Китай вкладывает в научное место в 10 раз больше денег, чем РФ [Электронный ресурс] : Политика сегодня. 23.12.2019. URL: info/481103-kitai-vkladyvaet-v-nauchnoe-mesto-v-desyat-raz-bolshe-deneg-chem-rf.
- Ли Сянь Лун. Америка, Китай и угрозы конфронтации [Электронный ресурс] : Россия в глобальной политике. 2020. № 4. Июль – август. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/aziatskij-vek-v-opasnosti/>.
- Леонова О. Г. Динамика рейтинга «мягкой силы» России // Век глобализации. 2020. № 2. С. 104–118.
- Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под ред. Х. Чунаньци, Н. И. Лапина. М. : Весь мир, 2011.
- Симонов Р. Рейтинг экономик мира 2019, таблица ВВП стран мира. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://basetop.ru/rejting-ekonomik-mira-2019-tablitsa-vvp-stran-mira/>.
- Сергей Караганов рассказал о роли России в образовании Евразии. 2019 [Электронный ресурс] : Российская газета. 1 октября. RGRU. URL: <https://rg.ru/2019/10/01/sergej-karaganov-rasskazal-o-rol-i-rossii-v-obrazovanii-evrazii.html>.
- Смирнов А. В., Солондаев В. К. Процессуальная логика. М. : Садра, 2019.
- Чумаков А. Н. Глобалистика в контексте современности: испытание пандемией // Век глобализации. 2020. № 3. С. 3–14.
- Moody's 2015: Индия покажет самый высокий рост экономики среди G20 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gigamir.net/money/pub2172021>.

References

- An Vej. Globalizatsiya i pravo [Globalization and the Law] // Voprosy filosofii. 2005. No. 2. Pp. 166–170.
- Granin Yu. D. Globalizaciya, nacji i nacionalizm [Globalization, Nations and Nationalism]. Moscow : Akademiya mediandustrii, 2013.

Granin Yu. D. Globalizaciya: dialektika istoricheskikh form osushchestvleniya [Globalization: Dialectics of Historical Forms of Implementation] // Vek globalizatsii. 2014. No. 1(13). Pp. 90–103.

Granin Yu. D. «Civilizaciya» i civilizacionnaya evolyuciya Rossii [“Civilization” and the Civilizational Evolution of Russia] // Voprosy filosofii. 2020. No. 12. Pp. 34–44.

Jullien F. Put' k tseli: v obhod ili napryamik. Strategiya smysla v Kitae i Gretsii. [Path to the Goal: By-pass or By-pass. The Strategy of Meaning in China and Greece]. Moscow : Moskovskij filosofskij fond, 2001.

Inozemtsev V. L. Ekonomika i politika globalizatsii: uroki proshlogo dlya nastoyashchego i budushchego [Economics and Politics of Globalization: Lessons From the Past for the Present and Future] // Vek globalizatsii. 2019. No. 2. Pp. 3–15.

K Velikomomu okeanu: hronika povorota na Vostok [To the Great Ocean: A Chronicle of the Turn to the East]. Sbornik dokladov Valdajskogo kluba. Moscow : Fond razvitiya i podderzhki Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdaj", 2019.

Karaganov S. Kakim budet mir? [What will the World be Like?] // Rossijskaya gazeta. 14.02.2019. Federal'nyj vypusk No. 34(7792). URL: <https://rg.ru/2019/02/14/karaganov-mir-nesmotria-na-ego-haotichnost-vpolne-predskazuem.html>.

Kubarev A. Kitaj vkladyvaet v nauchnoe mesto v 10 raz bol'she deneg, chem RF [China Invests 10 Times More Money in a Scientific Place Than Russia] : Politika segodnya. 2019. December 23. URL: info/481103-kitai-vkladyvaet-v-nauchnoe-mesto-v-desyat-raz-bolshe-deneg-chem-rf.

Li Syan Lun. Amerika, Kitaj i ugrozy konfrontatsii [America, China and Threats of Confrontation] : Rossiya v global'noj politike. 2020. No. 4. July–August. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/aziatskij-vek-v-opasnosti/>.

Leonova O. G. Dinamika rejtinga “myagkoj sily” Rossii [Dynamics of Russia's Soft Power Rating] // Vek globalizatsii. 2020. No. 2. Pp. 104–118.

Obzornyj doklad o modernizatsii v mire i Kitae (2001–2010) [Overview Report on Modernization in the World and China (2001–2010)] / ed. by H. Chuanqi, N. I. Lapina. Moscow : Ves' mir, 2011.

Simonov R. Rejting ekonomik mira 2019, tablitsa VVP stran mira [World Economy Ranking 2019, the Table of GDP of the World Countries]. 2020. URL: <https://basetop.ru/rejting-ekonomik-mira-2019-tablitsa-vvp-stran-mira/>.

Sergej Karaganov rasskazal o roli Rossii v obrazovanii Evrazii [Sergey Karaganov Spoke About the Role of Russia in the Formation of Eurasia] : Rossijskaya gazeta. 2019. October 1. URL: <https://rg.ru/2019/10/01/sergej-karaganov-rasskazal-o-rol-rossii-v-obrazovanii-evrazii.html>.

Smirnov A. V., Solondaev V. K. Protsessual'naya logika [Procedural Logic]. Moscow : Sadra, 2019. Chumakov A. N. Globalistika v kontekste sovremennosti: ispytanie pandemij [Globalistics in the Context of Modernity: The Test of the Pandemic] // Vek globalizatsii. 2020. No. 3. Pp. 3–14.

Moody's 2015: Indiya pokazhet samyj vysokij rost ekonomiki sredi G20. [India will Show the Highest Economic Growth Among the G20]. URL: <http://www.gigamir.net/money/pub2172021>.